

Юлия Резник

ВОСКРЕСНЫЙ ПАПА

Юлия Резник

Воскресный папа

«Юлия Резник»

2022

Резник Ю.

Воскресный папа / Ю. Резник — «Юлия Резник», 2022

Привет! Меня зовут Маша Орлова. А это – мои непутёвые родители-трудоголики. Глупость страшная, но они почему-то решили, что совсем не подходят друг другу. И даже мое рождение не заставило их пересмотреть свои взгляды на жизнь. Впрочем, так просто сдаваться я не собираюсь. Мы ещё посмотрим, чья возьмёт! Есть у меня один хитрый план, как соединить этих двух упрямцев. А ещё на моей стороне бабушки, дед и два обалденных дяди. Ну и, конечно же, здравый смысл.

© Резник Ю., 2022

© Юлия Резник, 2022

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	20
Глава 5	24
Глава 6	28
Глава 7	32
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Юлия Резник

Воскресный папа

Привет! Я – Машенька Орлова. Эта история началась незадолго до моего рождения, когда я, сидя на белом пушистом облачке, смотрела вниз, придирчиво выбирая своих родителей. А дело было так...

Глава 1

Михаил

«Наверное, так выглядит ад», – первое, что приходит на ум, когда я смотрю на огромный каток, залитый прямо посреди торгового центра. Для любого нормального врача-травматолога – так точно, а уж для заведующего отделением множественной сочетанной травмы, коим я и являюсь – подавно. Видать, мало мне было тридцати шести часов в отделении. Нашел, блин, где отдохнуть. Куда ни глянь – такой фронт работ вырисовывается! Закачаешься. Ушибы всего, чего можно, вывихи суставов, разрывы связок. Переломы открытые и закрытые, черепно-мозговые травмы. И, конечно, ампутации. Пальцев. Куда без них? В этом году еще не было, а вот в прошлом – на две целых руки набралось бы. И ведь ладно бы производственная травма. Но в основном же по дури все. А у меня в отделении половина штата, считай, на больничном. И на шестьдесят коек – дай бог, один нормальный специалист. Интернов я не считал. Что это за специалисты – интерны? Я бы им самим руки, того...

– ... вот такая она – Лолита!

Погрузившись в невеселые мысли, я пропустил большую часть довольно оживленного рассказа своей сегодняшней спутницы. То ли Танечки, то ли Сонечки (я так и не запомнил, будь проклята эта отупляющая усталость). Не то чтобы мне было не все равно, как эта девица воспримет мой отсутствующий вид, но ведь мать наверняка у неё спросит, как все прошло. И если плохо – выволочки мне будет не избежать. Как и бесконечных разговоров на давно осточертевшую тему:

– Ну, когда же ты женишься, сынок?

– Я уже женат! Давно и прочно. На своей работе, – повторил я по привычке и пододвинул к себе большую тарелку обалденно вкусного маминого супа.

– Нет, ну, хоть вы ему скажите! Ринат, Артем... – мать обвела взглядом собравшихся за столом братьев, – я внуков хочу!

– Вот пусть тебе Артем и рожает. Он с Ирккой сколько уже?

– Пять лет, – криво улыбнулся Ринат.

– Вот! Пять лет. А детей до сих пор нет.

– Какие наши годы, – философски пожал плечами Тёма.

– Кстати, где Ирочка? Ты опять без нее!

Дальше, слава богу, разговор перешел на младшего и его супругу, так что меня оставили в покое. Как оказалось, на время. А вот к концу вечера мать ненароком вспомнила о прекрасной девушке, с которой так удачно познакомилась в парикмахерской аккурат вчера. В общем, я и сам не понял, как в итоге мне эту девушку впарили. Даже удивительно, под каким таким гипнозом я был, что согласился пойти с ней на свидание? Еще и сегодня, когда от усталости едва стоял на ногах. Никак мамин колдовской суп сделал свое дело. Сытость притупила все защитные инстинкты. И теперь вот смотрел я на... эм... девушку и понять не мог, о чем это она талдычит?

– Лолита? – откашлялся. – Это Набокова, что ли?

– Какая Набокова? Лукина! Говорю же, у меня здесь некоторых девочек из сборной по фигурному катанию можно встретить.

Вот глядя на этих самых девочек, простой обыватель и выходит на лед. Дети... И родители, которые не теряют надежды собственным примером приобщать свое чадо к прекрасному. О, эти акты семейного самопожертвования, где никто не умеет кататься, но все с воодушевлением пробуют!

Только знаете что? Шанс свернуть себе на катке шею многократно выше, чем стать Алиной Загитовой.

«Нельзя быть таким циничным, Миша», – прозвучал в голове ласковый голос матери. Вот-вот... Уже галлюцинации начинаются. Мне бы поспать нормально, часиков восемь, или даже двенадцать, а я... Ну ладно. Что уж. Пришел уже, а раз так, надо хоть сделать вид, что мне интересно:

– А-а-а. Так это твой каток?

– Мой! Вот как из спорта ушла, так и решила – открою бизнес.

– Ну, хорош бизнес, ничего не скажешь! Здесь всегда так многолюдно?

– Угу! Классно, правда?

То ли Танечка, то ли Сонечка гордо выпятила вперед и без того не по-женски широкую грудную клетку. Довольная собой, просто до неприличия.

– Классно, – согласился вслух, а про себя подумал, что для бизнеса это, может, и хорошо, но ведь чем кучнее находятся не умеющие толком кататься люди, тем обширнее травмы. В смысле у одной коровы на льду больше шансов уцелеть, чем если их целое стадо. А там, прям стадо, понимаете? А у меня предчувствие... Что добром это все не кончится.

Самое любопытное в механизме любых травм – это полное неумение человека группироваться во время падения, которое, и это очень удивительно, полностью противоречит инстинкту самосохранения. Мы даже сумку или кошелек защищаем, прижимая к себе, но когда падаем... Шмякаемся от души. Во-о-он как тот грузный мужик с красной мордой, который, будто в подтверждение моих мыслей, рухнул посреди катка и, прокатившись на внушительном брюхе, сбил, как кегли, человек пять незадачливых «фигуристов», прежде чем становился, врезавшись в ограждение головой.

– Господи Иисусе, – пробормотал я, с тревогой наблюдая за кучей-малой, образовавшейся на льду.

– Эй, ты куда? Миша!

– Может, помощь нужна, – пробормотал, стягивая шарф с шеи. Прочему-то я даже не додумался снять верхнюю одежду. И только сейчас понял, что взмок.

– Там? Да ты что! У нас по сто раз на дню такое происходит. Вон, смотри, уже поднялись все. Целые, невредимые, – искренне изумилась то ли Танечка, то ли Сонечка. Черт, как бы доподлинно узнать? Ну, не спрашивать же у неё спустя столько времени. Может, маме позвонить? Так она расстроится. И еще чего доброго решит, что я недостаточно стараюсь устроить свою никчемную личную жизнь.

Я бросил еще один взгляд на каток, где и впрямь вроде бы все были целы. Тряхнул плечами, сбрасывая сковавшее обручем напряжение. Организм уже запустил цепную реакцию – в крови бурлили адреналин и готовность действовать. Прийти в норму оказалось не так-то просто.

– Извини, я на минутку. Тут по работе надо... – достав из кармана телефон, соврал я. Открыл Телеграм, занес палец над иконкой нашего с братьями чата. Но так и не решился у них спросить, не помнят ли они часом, как зовут мою потенциальную женушку. Ринат, конечно, помнил. Он все всегда помнил, но... Господи, они ж потом всю жизнь будут вспоминать о моей забывчивости. Им только дай повод поржать. Придурки.

– Ну, что? Может, мы все-таки прокатимся? – вздернула брови то ли Танечка, то ли Сонечка.

Я с сомнением посмотрел на лед. В отличие от большинства собравшихся, катался я вполне прилично. Недаром десять лет отходил в хоккейную секцию. Но потом умер отец, и мне, как старшему, пришлось взвалить на себя заботы о матери и братьях... В общем, стало как-то не до хоккея.

– Можно, – поморщился. – Только, если не возражаешь, я бы сначала кофе выпил. Покрепче. Что-то меня после смены просто рубит с ног. Не знаешь, где здесь нормальным можно разжиться, м-м-м?

– Ой, а у нас можно прямо на льду чайки-кофейки пить! Вон, кафе в том пряничном домике, видишь? – то ли Танечка, то ли Сонечка вскинула указательный палец с хищным острым ногтем.

– Прелестно... – пробормотал я.

– Правда, я отлично придумала? Можно согреться, не уходя с катка!

Ага. Как бы не так. «Кого не убили коньком – обварим кипятком», видимо, слоган этого злачного заведения. Впрочем, какое мне дело до ожогов? Пусть у Юдина по этому поводу голова болит. Юдин – это зав ожоговым, а вы что подумали? Хороший, кстати, мужик. Надо с ним как-нибудь посидеть за рюмочкой.

– Отличная. Но я лучше схожу на фуд-корт. Тебе чего-нибудь взять?

– Латге с корицей было бы здорово.

Я выдавил из себя подобие улыбки. Снял, наконец, куртку и, аккуратно ту свернув, оставил на скамейке. Рядом, примерно в полуметре от нас, шнуrowала коньки шумная, явно подвыпившая компания. Я наклонился, вспомнив, что забыл достать кошелек, и пока рылся в карманах куртки, невольно обратил внимание на ноги ближайшей ко мне размазанной женщины.

– Вы бы потуже зашнуrowали ботинки, – пробормотал я.

– Да вроде и так нормально, – тетка оглядела свои тощие ноги в коньках и перевела на меня вызывающий взгляд, в котором явно читалось: «Че ты ко мне прицепился?». Ну, так-то и так. Хочет калечиться – кто я такой, чтобы мешать? Не в мою-то смену – и ладно.

Пожал плечами:

– Стопа зафиксирована плотно. Голенище болтается. Я понимаю, этим конькам сто лет, и шнурки уже рваные-прерванные, но... малейшее неправильное движение – и вам обеспечен открытый перелом.

– Да ты что такое говоришь, Миша! Женщина, не слушайте его. Коньки в прошлом сезоне куплены! А шнурки мы вообще каждый месяц меняем. Вы идите-идите... Приятно провести время! – вмешалась то ли Танечка, то ли Сонечка, а когда дамочка, задрав нос, ушла, возмущенно на меня уставилась: – Ну, ты что, Миш?! С ума сошел? Ты зачем мне народ распугиваешь?

– Не распугиваю, а предупреждаю. Вы разве не должны проводить какой-никакой инструктаж?

Кажется, Танечке-Сонечке мой вопрос не понравился. Она сжала губы и пошла некрасивыми красными пятнами. Эх... Плакало мое свидание, похоже. Ну, и черт с ним. Я вертикально едва держался, а уж в горизонтальной плоскости вряд ли бы смог раскрыть свой недюжинный потенциал. Тот хоть и был непомерно большим, но, боюсь, усталость была и того больше. Признав очевидное, я даже как будто воспрянул духом.

– Я за кофе, – повторил зачем-то и, не глядя на то ли Танечку, то ли Сонечку, поплелся между заполненными до отказа столиками фуд-корта.

Так и не выяснив, где готовят хороший эспрессо, побрел к KFS. Сделал заказ и прислонился к стеночке в ожидании, пока тот приготовят. На носу был Новый год. А потому залы торгового центра были разряжены в пух и прах, а на пяточке возвышалась огромная искусственная елка, обмотанная разноцветным блестящим серпантинном и невротично подмигивающей гирляндой. Все это пестрое великолепие чайной ложкой выедало мои не знавшие сна глаза. Я зажмурился на минутку, да так и уснул, стоя у стеночки.

В себя пришел, как из воды вынырнул. Не сразу сориентировался, где я. И что вообще происходит.

– Заказ сорок ноль восемь! Мужчина, это не ваш? Забирать будем?!

– Да, конечно. Извините.

Открыть стаканчик, когда у тебя в руках два – было не так уж просто. А через дырочку в крышке я пить не любил. Пока возился – обжег себе руку. И это даже не на катке! Там бы я так легко не отделался. Выругался под нос... Поднял взгляд и только тут заметил странную суету на льду. Дернулся посмотреть, что там случилось, но внутренний подленький голос шепнул:

– Эй, Михал Ильич, ну-ка, тормози. Тебе какое дело, что там происходит?! У тебя только-только смена закончилась. Восемь часов к ряду оперировал! А до этого – еще три и два. Совесть имей, а то, ишь, отыскался, спасатель ты недоделанный.

– Да я только одним глазком... Вон, и скорая уже подоспела.

– Ну да, ну да, работа тебя сама ищет, да, Михал Ильич?

– Да заткнись ты!

– Вот и поговорили. Дурак ты, Миша. Ду-рак!

– Ай, ну тебя...

К тому моменту, как я подоспел и перемахнул через бортик, пострадавшего, кем бы он ни был, уже поместили на носилки. Но почему-то попытки унести того со льда так никто и не предпринял. Я подошел ближе, не совсем понимая, чем вызвана заминка. Растолкал зевак. Моему взгляду открылась странная картина. Два здоровых парня и совсем маленькая девчонка. Наверное, только после училища. На каталке – та самая разукрашенная тетка. И кровящи...

– Женщина, – взывала девушка-фельдшер, – уйдите с дороги.

– И не подумаю! – визгливо прокричала то ли Танечка, то ли Сонечка.

– Так, что здесь происходит?! – вмешался я, узнав парней-скориков. Протянул руку для пожатия.

– Да бред какой-то, Михал Ильич! – оживился Стас. – Здесь перелом открытый, а эта... Эта требует, чтобы мы коньки сняли.

– Какие, к черту, коньки? С кого сняли? – тихим зловещим шепотом, от которого у моих подчиненных стыла кровь в жилах, поинтересовался я и перевел взгляд то ли на Танечку то ли... вы поняли.

– Те, которые на пострадавшей, – изумленным голосом, будто сама не в силах поверить в то, что это действительно происходит, отозвалась новенькая фельдшерица. Я перевел на неё взгляд – красивая! Хотя и мелкая – кожа да кости.

– Но она же взяла их в прокат! Вы хоть знаете, сколько они стоят?! – визжала Танечка...

– Так... Ты! Ушла с дороги, – рявкнул я. – Станислав Владимирович, Анатолич, давай её скорей ко мне. А что б его все! Так и знал, что этим закончится!

Глава 2

Ариша

– Тридцать лет работаю водителем скорой и все не перестаю удивляться человеческой тупости! – покачал головой Иван Анатольевич, помогая нам со Стасом погрузить каталку в грузовой лифт.

– Конек... Она хотела снять гребаный конек! Вы видели когда-нибудь такую идиотку?

Голос Михаила Ильича (кажется, так мой напарник назвал увязавшегося за нами следом медведя) звучал настолько обескураженно, что я, не в силах скрыть расползающуюся улыбку, уставилась в пол.

– Никак, ваша знакомая, Михал Ильич? – хитро сверкая глазами, поинтересовался Стас.

– Что? А, да так. Приятельница матери.

– Вы хоть знаете, сколько они стоят?! – убедившись, что этим никого не обидит, передразнил хозяйку катка водитель. Вышло довольно похоже. Отчего Стас, старший в нашей бригаде, фыркнул. Лифт остановился, двери открылись, и мы протарахтели к боковому входу, у которого была припаркована машина скорой. Первым в салон забрался Иван Анатольевич. Распахнул задние двери, чтобы погрузить носилки.

– Надо систему ставить. Кровопотеря большая, – пробормотала я, когда мы устроились в салоне. Стас уныло кивнул и по тому, что больше он ничего не сделал, я поняла – эту возможность тот предоставил мне. Ну и ладно. Я осторожно протиснулась между каталкой и сидящим напротив мужчиной, открыла укладку¹. Было так тесно, что мы с ним то и дело задевали друг друга.

– Извините, – пробормотал я, а тот лишь махнул рукой и медленно, будто уже не в силах тому противиться, закрыл глаза. Отяжелевшие веки, равно как и черные круги под глазами, выдавали крайнюю степень усталости. Бедный мужик. Интересно, сколько он на ногах?

– Это зав множественной травмой, – беззвучно пояснил Стас и поднял вверх большой палец. Так он, очевидно, выражал свое восхищение профессиональными навыками последнего. Ну и ладно. Я не из тех, кто теряется в присутствии светил. Если на то пошло, я и сама довольно неплохой врач. Только пока мне в операционную нет хода. Хотя очень хочется. Хочется так, что мне она снится каждую ночь. Можете такое представить?

Кто ж знал, что годы моей работы в другой стране здесь ничего не значат? Теперь, вот, нужно пройти четырехмесячные курсы, на оплату которых у меня не было денег, а еще сдать экзамен (ну, не смешно ли?) и уж только потом – получить сертификат, который бы позволил мне вернуться в профессию... Словом, долго и дорого. Но какой у меня выход? Спасибо Надежде Семеновне, хоть на скорую меня умудрилась всунуть, воспользовавшись острой нехваткой кадров.

– Везет нам! – пробормотал Иван Анатольевич, не скрывая сарказма, когда мы в очередной раз остановились, чтобы дождаться, когда незадачливые водители уступят нам дорогу. – Последний вызов, и такое. Еще и из графика выбились. А меня Танька ждет, к теще надо ехать. В деревню. Всю плешь мне проест. Вон, наяривает... – кивнул на торпеду, где и впрямь мигал входящим вызовом телефон.

– Да и у меня были другие планы на воскресенье.

– Ты теперь когда дежуришь?

– А черт его знает. Ариш, ты не знаешь, как мы работаем на следующей неделе?

¹ Укладка – оранжевый чемоданчик с набором медицинского инвентаря, с которым приезжают на вызов врачи скорой помощи или младший медперсонал.

– Неохотно! – пробормотала я, с беспокойством поглядывая на потихоньку приходящую в себя «фигуристку». Стас тихо засмеялся.

– А не рано ли вы, девушка, охоту к работе утратили? – раздался тихий баритон.

Ну, вот! Давай, еще начни меня отчитывать! – мелькнула мысль. Я скосила взгляд на сидящего по правую руку заведующего.

– Да я не то чтобы утратила, но... Сами понимаете, что в праздники будет.

– Вот уж не говори! – поддержал меня Иван Анатольевич, – понятия не имею, почему все так стремятся умереть именно в Новый год.

– А я опять тридцать первого работаю! Представляешь? Два года подряд. Меня уже предупредили.

– Холостых всегда ставят в смену на праздники, – покачал головой водитель.

– Вот-вот! Разве это справедливо?! Если у меня нет жены, то что, я не человек?

– Ты бы эти вопросы лучше главному задал. И про справедливость, и про все остальное.

– И что? Как будто не знаешь, чем дело закончится. Плевать им на мои претензии. Партия сказала – надо. А ты, Ариш, как?

– Я вроде тоже работаю.

– Вот! Говорю ж! Это... это, как его?

– Дискриминация, – улыбнулась я.

– Вот именно. О, приехали. Как говорится, получите, распишитесь!

Стас вскочил первым. Уставился на прикорнувшего Михал Ильича и осторожно потряс его за плечо.

– А? Что? – ословело моргнул заведующий.

– Приехали, Михал Ильич.

Тот тряхнул лохматой головой. Растер шею крупной ладонью. Я всегда обращала внимание на мужские руки, они о многом могли рассказать. Вот и на этот раз не удержалась. Залипла. Огромные кисти. Длинные крупные пальцы. Задубевшая от септиков кожа, которая всегда выдает...

– Глаза бы мои это не видели, – буркнул Михал Ильич и как-то так резко обернулся, что я не успела отвести глаз.

– Что ж вы так о своей работе? – не удержалась от шпильки я. А что? Ему можно меня вычитывать, а мне его – нет? Не знаю, чем бы закончилась наша короткая перепалка, если бы «фигуристка», о которой мы на секунду забыли, не застонала вслух. А так я вздрогнула, подтолкнула светило к выходу и побежала помогать Стасу и Ивану Анатольевичу с каталкой.

Пока оформили все бумажки, пока вернулись на станцию, пока сдались... Пролетел еще один день. Переделалась, натянула шапку пониже и пошлепала на остановку. Погода не радовала. Выпавший накануне снег таял, образовавшаяся под ногами каша противно чвакала, а за шиворот сыпал то ли дождь, то ли снег – вчера я так торопилась, что забыла надеть шарф.

В месте, которое я временно звала своим домом, и которое на самом деле им не было (мне приходилось постоянно себе об этом напоминать), пахло одуряюще вкусно. Слюна моментально собралась во рту.

– Ариша, это ты?

– Да, Надежда Семеновна.

– Мой руки и скорее иди за стол. Мы только тебя одну и ждали.

– Ну что вы? – расстроилась я. – А если бы меня задержали? – прокричала уже из ванной.

– Вот еще! Я с диспетчером говорила, – отмахнулась Надежда Семеновна, когда я вошла. – Как отработала?

– Ничего.

– Ну-ка, посмотри на меня... Да на тебе лица нет. Костя, хоть ты на нее повлияй! Скажи, что молодой женщине нельзя так вкалывать. Ты ж не лошадь, милочка.

– Надежда Семеновна...

– Сколько раз я говорила тебе называть меня тётя Надя? Я же тётя тебе? Ну, так вот!

Ага... Тетя. По папе. И это просто чудо, что она меня приютила, когда я вернулась в страну, решив начать жизнь с нуля. Другие бы на ее месте палец о палец не ударили. Кому нужны бедные родственники? А эта... Я ведь ни на что даже и не рассчитывала. Просто хотела хоть одним глазком взглянуть на квартиру, в которой выросла, и которую покойный отец завещал... не мне.

– Мне на курсы деньги нужны. Вы же знаете. А тут осталось-то всего ничего до марта.

– Разве мы тебе не предлагали помочь, правда, Костя? Ведь предлагали...

Константин Витольдович, который предпочитал помалкивать, когда жена говорит, послушно кивнул седой головой:

– Конечно, Ариша. Мы с радостью тебе дадим столько, сколько нужно.

– Вы и так мне уже помогли, – я ласково улыбнулась и, не в силах больше терпеть, набросилась на еду.

– Господи, опять, что ли, без обеда?! – всплеснула руками тётя Надя.

– Нет-нет, – пробормотала я с набитым ртом, – был обед! Но мы его проспали.

Иногда спать хочется даже больше, чем есть. И когда времени нет совершенно, приходится чем-то жертвовать.

– Не дело это! Ой, не дело... Ты хоть бы на ставку с четвертью перешла, а? Все ж полегче было бы.

– И не так денежно. Я нормально, тёть Надь, правда.

– Какой там нормально? Никакой личной жизни ведь с такой работой! А тебе нужно ее устраивать... Нужно! И не спорь. Деточку родить. Ну, ведь тридцать уже, Ариша. А дальше время полетит, знаешь, как? Не заметишь. Нам вот господь детей не дал, а теперь не к кому и голову прислонить на старости лет. Хорошо хоть ты у нас появилась. Правда, Костик?

Дядя Костя кивнул и похлопал меня по руке, которой я крошила хлеб, скрывая то, как сильно меня тронули её слова.

– Ну, личную жизнь можно встретить и на работе.

– И то так! – улыбнулась тётя Надя, – Ариша, я тебе рассказывала, как мы познакомились с Костиком? Нет?

– Нет! Неужели на работе?

– А вот и нет. Но я как раз возвращалась домой. А он ка-а-ак свистнет! Представляешь?

Я покачала головой и улыбнулась. Такое поведение было совершенно чуждо моему представлению об этом тихом мужчине. Я доела суп, не успела и глазом моргнуть, как тётя Надя выхватила из-под моего носа тарелку.

– Добавочки подолью, – пробормотала она и отвернулась к плите.

– На самом деле я ловил такси, – подмигнул мне дядя Костя. Для наглядности сунул два пальца в рот и свистнул. Вышло довольно громко. Огромная толстая кошка Муся, спящая тут же на подоконнике, подняла голову и обвела нас презрительным взглядом голубых глаз.

– Ага... Такси он ловил. Как же. А подмигивал ты мне потому, что с тобой нервный тик случился? Не слушай его, деточка. Лучше ешь. А я пока приготовлю тебе ванну.

– Не надо, – покачала головой я, – я душ на работе приняла.

– Тогда сразу спать?

– Сразу спать.

– Бедная моя девочка...

Засыпала я, думая о том, почему почти чужие люди нам становятся роднее самых, казалось бы, близких. Отец за все время, что я себя помню, не проявил ко мне и сотой доли такого вот ненавязчивого участия. Одно время я думала, что он оттаит, узнав, что я, как и он, решила

пойти в медицину, но профессор Кучер лишь взглянул на меня поверх очков в тонкой оправе и сухо бросил:

– Дело твое. Но не думай, что если завалишь сессию, я пошевелю хоть пальцем.

Мне такое и в голову не приходило. Боль от его слов потом еще очень долго тревожила сердце.

Остаток дня я проспала. Вечером помогла тётё Наде с готовкой, а на следующее утро снова заступила на смену.

– О, опять ты?

– Ну, хоть ты не начинай, – отмахнулась я от Стаса. Стала за ним, чтобы получить укладку и сильнодействующие под роспись.

– Весело сегодня будет.

– Чего?

– Погода какая, видела? Температура скачет. Сейчас полезут сердечники.

– А, ну... да. Ничего, сердечники хотя бы тихие.

Стас рассмеялся, покивал головой и отвернулся, чтобы расписаться в журнале. Несмотря на его предсказания, работы было немного. Может, народ готовился к празднику, и некогда ему было болеть. Мы ехали с вызова, когда в рации раздался голос диспетчера.

– Авария на перекрестке К* и М*, месиво. Мчите туда.

– Мы-то с какой радости? Где реанимация? Травма где?

– Реанимационная бригада едет, травма далеко. Мы всех туда направляем, вам бы продержаться.

– Сильно мы там поможем... – буркнул Стас.

На месте оказалось, что все хуже некуда. Но полиция уже прибыла, и, по крайней мере, никто из сердобольных зрителей не успел нам «помочь». А то бывало и такое. Медвежья услуга, но ведь от души!

– Ну, где ваша реанимация? Тут нежилец! – кричал Стас в рацию, пока я пыталась остановить кровотечение у совсем молоденькой девушки. И ставила ей фентанил с омнопонем, потому как от промедола, который мне впопыхах сунул в руки Изотов, конкретно в этом случае толку было мало.

– Минут через десять будут.

– Они, что, пешком идут?! Не протянет.

– Станислав Владимирович, времени нет. Надо самим, – дернула за рукав старшего.

– Не довезем ведь!

– Давай хотя бы попробуем...

– Черт с тобой. Так и знал, что сегодня не будет покоя!

Погрузили. Подключили. Инфузия. Эффекта нет. Гемодинамика падает...

– И жгут не наложить.

– Нужна перевязка на протяжении².

– Совсем спятила?!

– Иначе потеряем.

– Ты свои должностные инструкции видела?! Куда ты лезешь, а?! У нас даже материала нет!

– У меня есть! В сумочке по привычке таскаю! Я такое сто раз делала. Ну, пожалуйста, Станислав Владимирович! Потом все вали на меня, а сейчас, я тебя умоляю, просто не мешай, а?

² Нужна перевязка на протяжении – речь о перевязке кровеносного сосуда, которая показана при повреждении магистральных сосудов. Техника выполнения довольно сложная, не буду вдаваться в детали. Читателю достаточно знать, что обычный фельдшер не имеет права выполнять такие вмешательства.

– Тебя ж под суд отправят, если она помрет, Ариша, что ж ты творишь, дура?

А я не знала... Понимала только, что если ничего не сделаю – мы потеряем эту девочку.
А дальше просто действовала по накатанной.

Глава 3

Ариша

Продержались. В приемнике нас уже ждала целая врачебная бригада. В здоровенном мужике в зеленой стандартной робе не сразу узнала Михаила Ильича. Подошла почему-то прямо к нему, сунула сопроводительный лист. Но тот даже не взглянул на изрядно измявшуюся бумажку, которую я заполнила. Потому что главное он уже знал. Мы сами еще в дороге передали данные, так что...

– Какого хрена? Ты куда влезла, а? Умная сильно выискалась? Спасительница рода человеческого?! Да ты чем вообще думала, дура? А если она у меня сейчас на столе помрет, кто отвечать будет?! А ты, Стас, куда смотрел?!

Его губы, казалось, даже не шевелились. Он не говорил – цедил. Слово за словом. Одно обидней другого. Но почему-то обидно не было. И только ярость, которую Михаил Ильич даже и не пытался скрыть, заполняла каждый сантиметр небольшой комнатки и просачивалась в оконные щели. Как-то неожиданно для себя, но в то же время, наверное, неизбежно я оказалась в центре внимания всех присутствующих в комнате.

– Я... Вы потом на меня валите, Михаил Ильич.

Тот сплюнул в сторону. Провел плечом по щеке, будто что-то стряхивая, и все тем же морозным голосом коротко бросил:

– Так, давайте в операционную. С этим... этой... потом будем разбираться.

Не прошло и пары секунд, как санитары вывезли гроыхающую каталку в коридор.

Дежурившая медсестра смерила меня осуждающим взглядом. Но, слава богу, никак не стала комментировать происходящее.

– Слушай, Стас... А ты не видел – при ней была сумка? Или что... Опись нужно сделать, – опомнилась я, с силой растерев лицо.

– Сиди уж! Я сам. Господи, ну и денек... Опять выбились, к чертям, из графика. Не видать мне в этом месяце премии, как своих ушей. А может, еще и штраф выпишут. Из-за тебя, Арина Германовна.

– Прости...

Так глупо просить прощения за то, что подарил кому-то шанс выжить.

– Да что уж? Сгорел сарай – гори и хата. – Изотов сверился с часами, – начальства уже на работе, поди, и нет. Так что порка откладывается до завтра. Как говорят, дышите...

– Перед смертью не надышишься, – шепнула я.

– Ага. Это точно. Ну, я вроде все. Распишись... Пойдем?

В машину забрались молча. Я отвернулась к окну. Обхватила себя руками чуть повыше локтей. Вся грязная. В кровищи... Вздохнула. Стас мог говорить все, что угодно, но я-то знала, как по его кошельку ударит штраф. Вряд ли бы он пахал на две ставки, если бы ему не нужны были эти деньги. И от того, что невольно его подставила, мне было еще паскуднее.

– Я тебе все возмещу.

– Что? – моргнул, засыпая.

– Говорю, я тебе возмещу, ну... штраф.

– Сиди уж! Тебе деньги, может, больше моего понадобятся. Если уволят.

Да уж... Та еще перспективка. Я тоскливо вздохнула и перевела взгляд на заснеженный, сплошь в огнях, город. А перед глазами все равно стоял Михаил Ильич. Его лицо с тяжелым, выдающим крутой нрав подбородком. И глаза, из которых разве что только искры не сыпались. И это его «дура»... Оно ведь и не обидно даже. В чужих глазах душой я и была. Кто ж спорит?

– Ты помолись, что ли, чтобы девчонка выжила. Если шанс есть, Орлов его не упустит. Тут даже не сомневайся.

– Орлов? – моргнула.

– Ну, да. Михаил Ильич. Вот уж у кого руки откуда надо растут. Впрочем, и ты не лыком шита, да, Ариша? Где только научилась так лихо – трах-бах! – Стас не смог скрыть своего интереса и развернулся ко мне всем корпусом.

– В Африке, – честно призналась я.

– В Африке? Ты шутишь, что ли?

– Почему шучу? Я там семь лет провела. Чего только ни видела... и ни делала.

Вот уж истинная правда. Делала такое, что о многом бы предпочла забыть...

– Ничего себе! – восхитился Стас. – И как ты там очутилась?

– Замуж вышла.

– За африканца?!

В зеркале заднего вида наши взгляды с водителем встретились. Казалось, его тоже не на шутку заинтриговал мой рассказ.

– Почему сразу за африканца? За нашего. Просто он много лет работал в Африке в составе миссии Красного креста.

– Так ты за ним поехала?

– Поехала.

– Ничего себе! – повторил Стас. – А потом что? Развелась?

Нет, ну, какая же все-таки непосредственность! Другой бы постеснялся вот так в лоб спрашивать. Но на скорой... Как бы это сказать? Люди столько времени проводили вместе, что привыкли делиться друг с другом всем на свете.

– Нет. Я – вдова.

– Извини, – Стас по-настоящему смутился. – Ты поэтому вернулась?

– Что? А... Нет. Саша умер еще два года назад. Я продолжала работать. Но потом в стране случился военный переворот, и пришлось улепетывать – только пятки сверкали.

– У них там эти военные перевороты в порядке вещей, – подал голос водитель. – И чего им не живется спокойно?

Хороший вопрос. На который у меня не было ответа.

– От чего он умер?

– Кто? – тупила я.

– Твой муж.

– Инфаркт. Все произошло мгновенно.

– Сколько ж ему было лет?

К счастью, мне не пришлось отвечать – мы приехали. Не хотела бы я видеть, как Стас начинает подсчитывать в уме нашу с мужем разницу в возрасте. В свое время мне это здорово надоело. Да, Саша был значительно старше. Но... господи, все, кто его знал, понимали прекрасно, что я в нем нашла. Думаю даже, гораздо больше их волновало другое. Что *он* нашел во мне? Саша был непостижимым единичным человеком. Который знал об этой жизни, кажется, все. Я столькому у него научилась! Но вряд ли успела постичь хоть сотую долю его вселенной.

До конца смены было еще пахать и пахать. Но вызовов пока не оказалось, и, пользуясь таким редким случаем, мы решили перекусить. Впрочем, зря я это затеяла. Кусок в горло не лез. А вот дурные мысли в голову – это пожалуйста.

– Ну, что ты сидишь? Возьми – позвони. Узнай, что да как, – вздохнул Стас, активно работая челюстями.

– Думаешь?

– Да, конечно! Вон в том журнале номер посмотри...

В горле моментально пересохло. А что, если та девушка умерла? Ну, ведь и впрямь под суд отправят. Это не Африка, где можно все, что угодно, делать – потому что никто не спросит. Только ты. Сама с себя.

Господи... С другой стороны, а какой у меня был выход?

– Добрый день. Я по поводу пострадавшей в аварии звоню узнать. Что? Нет. Я – фельдшер. Ах, еще не закончилась операция... – бросила взгляд на часы, – ну, да. Это и понятно.

Прошло ведь всего ничего. А там работы Орлову... мама дорогая.

Доработала в каком-то тумане. Незаметно мерзкой дрожью на теле подкрался отходняк. Стас сразу понял, что к чему, и, спасибо, подстраховал. Уже в раздевалке небрежно бросил:

– Хотел тебя куда-нибудь пригласить, но, смотри, тебе не до этого.

Я даже растерялась. Пригласить – это вроде как на свидание? Вот это новости. Впрочем, чему удивляться – на скорой только и разговоров о его похождениях. Они даже до меня дошли, разговоры эти, хотя я мало интересуюсь сплетнями.

– Ты прав.

– Ну, давай хоть домой подвезу.

– Да я еще не домой.

– А куда? – сощурился Стас.

– Загляну в травму.

– Спятила? Тебе сейчас лучше не попадаться на глаза Орлову. Глядишь, если все хорошо, он чуток успокоится и не станет поднимать бурю в стакане. Михаил Ильич – вот такой мужик. – И снова выпяченный вверх палец. – Слушай, а хочешь, я его за тебя попрошу? Мы вроде неплохо общаемся.

– Нет! Не надо... Сама заварила эту кашу – сама и расхлебывать буду.

– Ты что, из этих...

– Феминисток?

– Ага.

– Да как-то за собой не замечала. Просто не хочу, чтобы из-за меня кто-то пострадал. Тебе и так прилетит. Ты извини меня, – повторила в который раз. Стас лишь отмахнулся.

По дороге в отделение позвонила своим предупредить, что задержусь. Не то волноваться бы стали. А уж потом с чистой совестью устроилась у входа в оперблок на стульчиках, подложила под голову сложенную в несколько раз куртку и закрыла глаза. Не хотела смотреть на встревоженную пару в сторонке. Наверное, это были родители девушки. Уснула. Открыла глаза, лишь когда лязгнула дверь. Навстречу вышедшему Орлову уже бежали родители. Тот что-то тихо им сказал. Женщина расплакалась. Мужчина бережно ее обнял. Михаил Ильич отвел взгляд и тут-то как раз меня и увидел.

– Извините, я на минутку, – сказал он и пошел напрямик ко мне. Из двери высыпали остальные.

– Ты что здесь забыла?

– Сижу вот... – развела руками.

– Пойдем! – рявкнул Орлов. Ну, как рявкнул? Я-то понимала, что это он пока еще сдерживается, и что настоящий взрыв произойдет там, за дверями, на которые он мне указал резким кивком головы. Сочувствующие взгляды проходящих мимо коллег лишь подтверждали мои догадки.

Я встала. С трудом распрямила плечи. Казалось, на них лежала вся тяжесть мира. Но в том-то и дело, что так только казалось. Орлов шагнул в кабинет первым. Я – следом. В комнате гулял сквозняк, дверь захлопнулась за нами с грохотом. Я вздрогнула. Михаил Ильич не пошевелился. Так и замер посреди кабинета, сунув обе руки в карманы робы.

– Она пока жива. Тебе же это интересно?

– Ну... да... Наверное.

– Наверное, – перекидывал меня. Обернулся. Он постригся. Оказывается. Под шапочкой я не заметила, а вот сейчас почему-то бросилось в глаза. Как и то, что он гораздо младше, чем я подумала. Наверное, даже сорока нет. Только выглядит плохо. Потому что у станка сутками напролет. Фанатик своего дела. Я таких знаю. Видела... Я, может, и сама в какой-то мере такая.

– Где ты этому научилась только?

– В Африке, – во второй раз за день призналась я. – Там то на минах подрываются, то что-то еще... – почему-то не договорила. Сбил с толку огонек интереса, мелькнувший в его глазах, но погасший так быстро, что я не стала бы утверждать, будто он мне не почудился.

– В Африке, выходит...

Пожала плечами.

– Еще раз такое отмочишь – вырву руки. Самолично. Поняла?

Опустила голову. Кивнула. Отчитывал он меня, конечно, как девочку, но что уж теперь. Сама виновата.

– Если выкарабкается – топить тебя не стану. А если нет – на себя не возьму. Это ясно?

– Конечно.

Может, мне стоило его поблагодарить? Кто знает. Почему-то не смогла. Я до сих пор не считала, что поступила неправильно. И если бы время повернулось вспять, я бы повторила этот день с точностью до секунды.

– Ладно... Иди уже. Но это первое и последнее китайское предупреждение.

– До свидания.

– До свидания. Зовут-то тебя как, чудо африканское?

Шовинистический динозавр!

– Арина Германовна. Кучер...

Брови Орлова взлетели едва ли не до кромки роста волос:

– Надо полагать, ты имеешь какое-то отношение к Герману Аристарховичу?

– Первый раз о таком слышу. И на «ты» мы вроде бы не переходили. Извините, мне нужно идти.

В конце концов, отец ясно дал мне понять, что о нашем родстве в медицинских кругах мне лучше не вспоминать. Так что можно сказать – я свято следовала его заветам. А то, что по носу Орлова щелкнула этим «ты» – это ничего. Имею право. Чего это он мне растыкался?

Я вышла из кабинета, сунула руки в рукава куртки и пешком пошлепала вниз. Лестница была ближе, чем лифт. И чем меньше любопытного народа меня видело, тем было лучше.

Словом, окончательно меня накрыло где-то на остановке. Я только тогда поняла, в каком напряжении находилась, не позволяя себе думать о возможном увольнении и суде... Села на скамейку и судорожно, будто задыхаясь, глотнула воздух.

Знаете, бывает такое состояние, когда до того, чтобы сорваться, остается меньше микрона? Вот примерно в таком состоянии я и была. И так мне обидно стало, так больно за свою жизнь, что кричать хотелось. Прямо там. На остановке. Ничего особенного, да... Просто минутка слабости, которая порой случается даже с самыми сильными женщинами вроде меня.

– Милочка, у вас все в порядке?

– Да...

Я подняла взгляд на пожилую приятной наружности женщину, которая остановилась рядом со мной, передохнуть. Сумка у нее была явно тяжелая.

– А мне так не кажется. Вы вся синяя, и слезы на щеках, вон, замерзли...

Ну, надо же! Я даже не заметила, что плачу. Интересно, сколько же я так просидела? На улице стемнело совсем. И холод... Господи, какой холод!

– Ну-ка, пойдемте! Ну, что вы сидите? Пойдемте-пойдемте. Я во-о-он в том доме живу.

– Мне домой надо, – шмыгнула носом.

– Вот оттаеете немного, чайку выпьете и пойдете!

Возражать почему-то я не посмела.

Глава 4

Михаил

Господи, хорошо-то как!

Я поднес ко рту рюмку коньяка и опрокинул в рот. Приятное тепло прокатилось по пищеводе и наполнило пустой желудок.

– А тост? Что ж ты как воду?

– Святую, заметь...

Ринат улыбнулся. Встряхнул бутылку и налил еще. Тонкие лучики морщинок собрались вокруг его льдистых холодных глаз.

– Мама права. Ты слишком много работаешь.

– А сам? – усмехнулся я. – Со мной-то как раз все просто. Вы хоть всегда знаете, где меня искать, если вдруг понадобится.

Ринат промолчал. А я покрутил в руках рюмку, вспоминая, как еще несколько лет назад мы порой месяцами не знали, чем он занимается и где пропадает. Иногда тот как ни в чем не бывало звонил, смеялся, расспрашивал о том, как мы. Но никогда не рассказывал, как он сам. Единственное, что нам было известно, что он как-то связан то ли с армией, то ли с разведкой. Или это одно и то же? К счастью, те дни позади. Ринат вроде бы осел. На какой-то важной государственной должности, названия которой нам по традиции не сообщили.

– Жрать охота, – заявил он, почесав живот.

– Ничем не могу помочь. У меня в холодильнике мышь повесилась. Если хочешь, можем к маме спуститься. Будет ей сюрприз.

– Да-да, все забываю, как хорошо ты устроился, – засмеялся Ринат, намекая на то, что в свое время я купил квартиру в одном подъезде с матерью. Вышло и впрямь удобно.

– Завидуй молча, – фыркнул я и зажмурился, с наслаждением отмечая, как капля по капле тело покидает сковавшее его напряжение.

– Интересно, она хотя бы понимает, какой стратегический просчет совершила?

– Ты это о чем? – я лениво приоткрыл один глаз.

– О ее маниакальном желании устроить твою личную жизнь, конечно же. Какой тебе смысл жениться? Ты и без того обласкан женским вниманием и всегда сытно накормлен.

– Да не сказал бы, – возразил я, кряхтя и устраиваясь поудобнее.

– Что? А как же молоденькие красивые медсестрички, которых ты оприходовал без разбору? – засмеялся Ринат.

Ну, вот еще. Те славные времена давно канули в Лету. Я как-то быстро понял, что от симпатичных медсестричек в операционной толку ноль. И когда стал заведующим отделения, под шумок разогнал их всех до единой.

– А нету у меня молодых и симпатичных. Зато все с таким опытом, что с ними хоть на войну.

– Ну, а пациентки? – не сдавался Ринат.

– А пациентки мои обычно в таком состоянии, что им не до меня, – от души засмеялся. – Я поэтому в травму и пошел. Лежат все чинно-благородно, загипсованные, и никого не кантуют. Где ты еще такую красоту увидишь?

Шутки шутками, но воспоминания о прошедшем дне, от которых я надеялся хоть ненадолго отгородиться, вернулись. Девочка эта тяжелая. Без шансов почти. И Арина, будь она неладна, Германовна, которая этот шанс ей всё же подарила. Перед глазами установилась картинка. Как это обычно происходит... Люди же думают, что спасение людей – это что-то возвышенное. А на деле... грязь, кровища, кости, чуть ли не в фарш. Тесная скорая, которую

трясет на обледеневшей, раскатанной в хлам дороге. И да, манипуляция довольно простая, но для обычного фельдшера, и в таких необычных условиях... Как вообще она справилась? Откуда храбрость взялась? Я такой бабы хладнокровной за всю жизнь не встречал. Ну, или такой непроходимой дуры. Слабоумие и отвага. Так, кажется, говорят...

А нрав какой? Как лихо она мне дала отпор.

Пока я витал в облаках, в дверь позвонили.

– Кого-нибудь ждешь?

– Не-а.

Тяжело опираясь на подлокотники кресла, поднялся. Пошел открывать.

– Мам?

– Привет, дорогой. Ты как будто мне и не рад.

– Почему не рад? Просто – как бы это сказать? Я за тобой не успеваю соскучиться.

За спиной хохотнул Ринат.

– О, и ты здесь! Привет, сынок. Не хочу прерывать ваши мужские посиделки, – мама затрясла рукой перед носом, явно давая понять, что поняла, чем мы тут занимались, – но мне нужна твоя помощь, Миша.

– Прямо сейчас?

– Угу. Можешь спуститься на несколько минут? Посмотреть одну девочку.

– Какую девочку? – насторожился я.

– Хорошую. Мы на остановке познакомились. У нее какое-то горе случилось. Но она ничего толком не успела рассказать. Я только чай ей налила, вышла ненадолго из комнаты, чтобы принести варенье, помнишь, я варила такое вкусное? Сливовое. Ты мне еще помогал косточки лущить. Так вот... Я когда вернулась – она уже уснула. Ну, я что? Думаю, пусть девочка поспит. Измучалась, устала. Но прошло уже почти два часа, а она и не думает просыпаться. И мне кажется, у нее поднялась температура.

– Постой. Ты привела в дом какую-то незнакомую девушку, а теперь оставила ее одну в квартире? Мама! Ну, ты как ребенок совсем. Я сколько раз тебе говорил – не водить в дом кого попало!

Я схватил куртку, сунул босые ноги в ботинки, достал свой чемоданчик, который всегда стоял наготове на вот такой случай, и первый вылетел из квартиры.

– Почему сразу – кого попало? И что, по-твоему, мне нужно было – бросить человека замерзать? – летело в спину. Мама спускалась медленно и догнала меня, когда уже разулся в ее квартире, которую она даже не удосужилась закрыть.

– Где она?

– На диване. В гостиной. Может быть, у нее переохлаждение? Скорее всего. Я когда ее заприметила, она уже посинела вся. Бр-р-р. От переохлаждения может подняться температура, а, Миш?

– Сейчас посмотрим, если она не сбежала, прихватив твою пенсию.

К счастью или огорчению, девица никуда не делась. Я подошел к дивану. Потрогал лоб и вот тогда понял...

– Та-а-ак, – протянул я, – где ты, говоришь, встретила это чудо?

– Так ведь на остановке. У дома!

– Мам, тут тебе звонят, – подал голос Ринат, бесстрастно наблюдающий за происходящим.

– Ой, а это не мне. Это, наверное, Арише. Может, взять трубку, как думаете? Ее, наверное, родня потеряла. Надо бы им сообщить...

Мама выскочила в коридор, откуда доносились звуки вызова.

– Ну, чудо! Африканское... – фыркнул я. – Эй, вставай! Давай, просыпайся.

– Ты б с ней поосторожнее, – заметил брат.

– Ничего с ней не будет. Такую и лопатой не убьешь.

– Ты что, ее знаешь? – изумился Ринат.

– Ага. Представляешь, совпаденьице? Да вставай же ты!

Арина пошевелилась, повела плечом. Совершенно по-детски, будто вот-вот готовясь заплакать, скривила губы. И открыла глаза. Синие-синие.

– Изыди, – велела она и снова зажмурилась, – и не смей мне снится.

Ринат за спиной хохотнул:

– Похоже, тебя, старший брат, не очень-то рады видеть.

– Отвали.

– А она хорошенькая. Познакомишь?

Я нахмурился и с еще большей силой затряс фельдшерицу.

– Вы мне не снится, правда? – ну, слава богу. Похоже, она начала что-то понимать.

– Нет. Не снюсь.

– И почему я вас опять вижу?

– Это я должен вас спросить, как вы оказались в квартире моей матери. И почему, ради всего святого, решили выспаться именно здесь.

– Выспаться? В квартире вашей матери?

Арина, наконец, открыла глаза и резко села. От такого стремительного движения у нее, видимо, закружилась голова, и она опять ненадолго зажмурилась.

– Ой, Аришенька! Вы очнулись. Какое счастье. Признаться, вы меня напугали.

– Извините... Я... Кажется, я и впрямь уснула. – Будто не в силах поверить, что это действительно произошло, Арина обвела мутным взглядом комнату, сделав вид, что меня не замечает вовсе, остановилась взглядом на Ринате. – Извините, ради бога. Не представляю, как такое получилось. Эй, вы что делаете? – это уже мне, когда я сжал свои пальцы на ее запястье, чтобы проверить пульс.

– Проверяю пульс, конечно же. Мама говорит, имело место переохлаждение?

– Нет-нет. Ничего серьезного. Я просто отвыкла от холода. Еще раз извините. Я сейчас же уйду...

И эта дуручка спустила ноги на пол.

– Куда же вы пойдете в таком состоянии? – вмешалась мама. – Об этом не может идти и речи. Ведь вы вся горите!

– Но как же? Меня уже, наверное, потеряли, да и вас не хочется стеснять.

– Ну, что вы такое говорите? Никаких проблем. Сейчас вас Мишенька осмотрит. Мишенька – это мой старший сын. Он врач. От бога. Так что все будет хорошо, даже не переживайте. И по поводу вас потерявших, кстати, тоже. Я только что разговаривала с вашей тётушкой. Они уже едут сюда.

– О господи, – пробормотали мы с Ариной синхронно и встретились взглядами.

– Спасибо, конечно, Лидия Сергеевна, но я и сама медик.

И тут меня почему-то заело. То, что она отказывается от моих услуг. Глупо и совершенно иррационально, знаю. Но ведь от этого не легче вообще. Я нахмурился, достал стетоскоп. Я, конечно, не терапевт, но хрипы, если они есть, услышу. Вдел в уши, сжал в руке головку, чтобы немного согреть.

– Выметайся, – велел я брату, который с нескрываемым интересом наблюдал за происходящим.

– Эй! А я что?

– Ты смущаешь мою пациентку.

– Послушайте, я правда в порядке и не нуждаюсь...

– Арина Германовна!

– Да?

– Заткнитесь, пожалуйста. И не мешайте мне делать свою работу.

Ну, ладно. Не совсем свою. Но почему-то мысль о предстоящем осмотре наполнила меня нетерпением. Пока Арина возмущенно открывала и закрывала рот, я задрал ее свитер и принялся вдумчиво «слушать» и... изучать. А посмотреть там было на что. Так что банальная процедура как-то незаметно для меня переросла во что-то странное. И волнующее.

– Дышите... – грудная клетка поднялась. – Не дышите.

– Не очень-то и хочется дышать вашим перегаром, – буркнула Ариша.

– Ну, простите. У меня законный выходной. Я уж никого спасать не планировал. Думал с братом посидеть в кои веки по-человечески, а тут вы. – Я разозлился, резко отстранился и одернул ее толстый свитер. – Жить будете, – пробурчал. – Если сами себя не угробите. Это ж надо... На остановке она сидела. Здесь тебе не Африка!

– Да, это точно, – как-то неожиданно быстро скисла Ариша и понурила голову. А я ведь уже привык к ее дерзости, и её ответ мне показался таким... неправильным, что ли.

Я вернул стетоскоп на место в чемоданчик. Достал электронный градусник.

– На. Померяй температуру. Если что – уколою. А там и сама справишься. И сними ты, ради Христа, этот свитер. Как будто не знаешь, что нужно делать при температуре!

Думал, она меня пошлет. Но нет. Ариша только так посмотрела на меня странно, а потом послушно разделась. Прижала свитер к груди. Отвела взгляд и пробормотала:

– Спасибо вам.

– За что? – вскинул брови.

– За все. За то, что не стали жаловаться. Меня ведь с трудом приняли. А мне очень нужна эта работа. Я... – она покусала запекшиеся шершавые губы. – Она все, что у меня осталось. Понимаете?

Нет. Хотя я и был конченным трудоголиком, такого я не понимал. Потому что кроме работы у меня была семья. Мама, братья... Впрочем, мне не хотелось вникать в её проблемы. Это было совершенно лишнее. Мне своих хватало – выше головы. К тому же каждый вроде самой Ариши норовил мне этих проблем добавить.

– Что ж ты, если так дорожишь работой, такие фокусы вытворяешь?

– Не знаю, – совсем сникла она. – Наверное, просто не могу иначе. А вы бы смогли?

Наши взгляды в который раз встретились. И столько я увидел в тех глазах, что холодок пошел по коже. Но я все смотрел. И смотрел.

– Не знаю, – проворчал, откашлявшись. Термометр пропищал, и я сам достал его у неё из подмышки. Присвистнул. – За тридцать девять перевалило, Арина Германовна. Ну-ка ложись...

– Зачем?

– Уколою тебя. Зачем же еще? И в следующий раз, если решите замерзнуть насмерть, делайте это на другой остановке, я вас умоляю.

– Да я просто задумалась. И забыла о времени...

Её веки отяжелели, а еще буквально через пару секунд Ариша опять уснула. И спала она так крепко, что ее даже не разбудил звонок в дверь. Приехали ее тетушка с дядюшкой. Шумные и обеспокоенные, они сначала по очереди на цыпочках проверили Аришу, а после засели в кухне с матерью узнать, что же такого случилось с «их девочкой».

Глава 5

Ариша

Заболеть, не отработав даже месяца – это, конечно, ни в какие ворота. Но когда температура к утру снова поднялась до критической, а к этой «радости» еще и обложило горло, стало понятно, что без больничного мне не обойтись. Тут хочешь не хочешь – надо. Не уйдешь сам – так отстранят принудительно. И непонятно, что хуже. Впрочем, мне было так фигово, что на угрызения совести просто не оставалось сил. Я отлеживалась и лечилась. Несколько раз, правда, пыталась встать, чтобы помочь тётё Наде по дому, но та об этом даже слышать ничего не хотела. И прогоняла меня обратно в постель. В которой я потом, не привыкнув к такой заботе, плакала. Благо мои шмыганья носом запросто можно было списать на простуду.

Дня через три, когда я немного оклемалась и даже выпила кружку бульона на завтрак, в дверь тихо постучали.

– Не спишь? – шепотом спросила тётя Надя.

– Нет.

– А там к тебе гости пришли.

– Ко мне? Гости? – я даже привстала, опираясь на локоть.

– Ну, да. Лидия Сергеевна.

– Какая еще Лидия... – начала было я и резко оборвала себя, потому что практически в ту же секунду поняла, какая.

– Та самая. Твой ангел-хранитель. Я Лидочку теперь так и зову. И она не одна, представляешь? С сыном, – с намеком добавила тётя Надя. Куда она клонила, было ясно. Непонятно, какого черта здесь забыл Орлов. – Ты как? Может, посидим по-семейному? Выпьем чайку. Или это слишком?

– Слишком!

– Ох, а я так надеялась, что тебе уже хоть немного получше, – искренне огорчилась тётя Надя.

– Мне получше! Правда. Только ужасно неловко. Я как вспомню, что тогда уснула. У чужого-то человека. Стыдоба.

– Да какие же вы теперь чужие? Не выдумывай! Мы по несколько раз в день созваниваемся. То о твоём здоровье болтаем, то о преимуществах плавания брасом. Ты знаешь, что Лидочка ходит в тот же бассейн, что и я? Нет? А вот представь себе. Да и что значит – стыдоба? Что стыдного в том, когда одному человеку плохо, а другой его не бросил в беде?

Только то, что я сама себя до этой беды довела, полтора часа сидя на остановке в тонкой курточке на рыбьем меху. Но вслух я, конечно, ничего не сказала. Иначе бы тётя Надя стала переживать и спрашивать, что же так сильно меня расстроило. А как тут объяснить? Я и сама не знала. Просто события последних месяцев, все мои тревоги и страх – бах, и выплеснулись наружу. И стало казаться, что все. Больше не могу. Просто так. Вроде как вообще на ровном месте.

Это теперь, когда отпустило, я могла над этим даже посмеяться. Вспомнив шутку из одного медицинского паблика: «Что значит – ты так больше не можешь? Все могут, и ты сможешь! Дал бог дофамин – даст и норадреналин. Дал бог серотонин, даст и селективные ингибиторы его обратного захвата». Такая дурь, но настроение поднялось, как миленькое.

– Ну, вот! Уже улыбаешься. Так гораздо лучше. Может, тогда и выйдешь, а? Ненадолго. Хоть на минуточку...

Я с сомнением покосилась на себя в зеркало. Пугало пугалом. Вот и хорошо. Еще не хватало, чтобы этот медведь, ревущий на меня, пялился. А он пялился. Я это совершенно

точно запомнила. Правда, первые дни мелькающие в голове картинки я списывала на горячку, но все ж.

Что я при этом чувствовала? Тогда – ничего. Было действительно плохо, и в голове сгустился туман. А потом, когда пошла на поправку... Даже не знаю. Я так давно не задумывалась о подобных вещах в принципе. И в конечном счете пришла к выводу, что мне все равно на его внимание.

– Ладно. Я только умоюсь.

И причешусь. И надену что-нибудь попримитивней старой застиранной футболки еще из запасов гуманитарной помощи, которую раздавали африканским нуждающимся их менее нуждающиеся европейские соседи по планете.

Уже в ванной решила, что надо бы и искупаться. Когда болела – было нельзя. А тут... Нет, мне, конечно, все равно, как я выгляжу в глазах Орлова, но вот как пахну – это уже другое. Правда? Мы не настолько близки, чтобы перед ним вонять. Я скользнула носом по плечу, поморщилась и решительно шагнула под душ. Вымыла и голову, справедливо рассудив, что лучше я буду с мокрыми волосами, чем с грязными. В общем, из ванной я выбралась минут через пятнадцать. Распахнула дверь и как в стену врезалась.

– Ой!

– Ой! – улыбнулся красивый мужчина. Где-то я его вроде бы видела, но вот где – вспомнить не получалось.

– Я – Ринат. Мы у мамы встречались.

– А-а-а, – то ли с облегчением, то ли со странным, совершенно неоправданным разочарованием протянула я, – Ринат. Здравствуйте. А я думала, что...

Что вместе с Лидией Сергеевной меня приехал навестить... другой её сын. Непонятно, конечно, почему я так решила. Дурочка. У того Орлова и без меня вся жизнь – лазарет.

– Что? – еще раз улыбнулся он.

– Неважно. Извините, мне нужно одеться. Туалет там... – бросила напоследок. Ведь зачем-то же он забрел в эти края.

– Спасибо, Ариша! – крикнул гость мне в спину.

В следующий раз мы с Ринатом увиделись, когда я, одетая и расчесанная, вошла в кухню. По тому молчанию, которое на секунду повисло за столом, поняла, что пока я отсутствовала, мне успели перемыть кости.

– Аришенька! А я как раз рассказываю Лидии Сергеевне и Ринату о твоих африканских приключениях, – подтвердила мои догадки тётя Надя.

– Здравствуйте. Извините, что заставила ждать.

– Что ты, деточка! Это мы нагрянули как гром среди ясного неба. Тебе и не до нас, наверное, вовсе.

– Нет-нет, ничего подобного. Все в порядке. Я... рада гостям.

– Мы все рады. Ариша долго жила за границей и растеряла всех друзей. Что ни говори, а на расстоянии дружеские связи поддерживать очень трудно. Так что новые знакомства нам только в радость. Правду я говорю, Аришенька?

– Конечно.

Кроме того, что никаких стоящих дружеских связей у меня никогда особенно и не было. Когда все нормальные дети гуляли, а потом, взрослея, сидели компаниями по вечерам на детских площадках и пели под гитару песни, я училась. Музыкальная школа, школа языковая. И обязательный кружок естествоиспытателей по вторникам. Даже на праздники, когда в родительском доме собирались гости, мне не с кем было поиграть. Я была поздним и не особо желанным ребенком. Когда я родилась, маме хорошо за сорок перевалило, отцу и вовсе за пятьдесят. И все их друзья были примерно такого же возраста, а то и старше. Естественно, их

отпрыски давно уже выросли и вылетели из гнезда. И на тех взрослых посиделках я, сколько себя помню, была единственным ребенком.

Я запнулась, когда поняла, что не просто об этом вспомнила, а рассказала вслух! Сама не заметив допроса, устроенного мне Ринатом. Понятия не имею, как у него получилось меня до такой степени разговорить. Он-то сам едва ли двумя словами обмолвился. Тогда как? Я удивленно моргнула, сощурилась. И уже так, с прищуром, на него уставилась. Пусть не думает, что от меня укрылся его номер. Я, может, сплеховала, еще толком не очухавшись от болезни, но... Будь я в форме, так легко он меня бы в жизни не раскусил. Может, этот парень и обладал какими-то хитрыми техниками допроса (а то, что это был профессиональный допрос, я уже не сомневалась), но так и я рядом с Сашей чему-то да научилась. Хотя после того, что я разболталась, сейчас ему в это поверить было наверняка непросто.

В общем, я смотрела на него, и смотрела. И понимала, до какой степени он непростой. И что за этими улыбочками, которые он адресовал всем без разбору, пряталась та еще личность. Хладнокровная. Жесткая. И даже немного пугающая, если глубже копнуть. И оттого, как ни странно, еще более интересная.

– Ох, брат мой покойный, хоть так и нельзя о покойниках говорить, специалистом был хорошим, от бога! А вот отцом... – тётя Надя покачала головой. – Где это видано – завещать все свои деньги институту, в котором работал? Это при живой-то дочери. Квартиру, и ту нам с Костиком отписал. Сколько уговаривали, чтобы Арише! Ни в какую. Говорит, пусть сама в этой жизни пробивается. Да кто ж против? Она и так, вон, умничка какая. А он оставил девочку без крыши над головой.

– Может, думал, что Арише и не надо ничего. В надежных-то руках мужа, – предположила Лидия Сергеевна, участливо похлопав меня по руке.

– А я и была в надежных.

Улыбнулась. И так, с улыбкой на губах, отвернулась к окну. И в отражении стекла я будто живую видела хронометраж нашей жизни. Пять самых счастливых лет. Они и были моим наследством. А что касается имущества... Саша, как оставил все жене и детям при разводе, так больше ничего и не скопил. С деньгами он расставался легко. И вообще не имел привязанностей к материальному.

Единственное, о чем я жалела, так это о том, что у нас не было детей. Саша не хотел. Говорил, что уже не в том возрасте. А я не настаивала...

– Ариш, а ты не желаешь прогуляться? Я слышал, при простуде полезно. К тому же на улице така-а-ая красотища. Недолго. Подышим немного воздухом, и сразу назад, – возвращая меня в реальность, спросил Ринат.

Предложение было заманчивым. Я согласилась. Оделась быстро, а когда мы остались одни, поинтересовалась:

– Ну, спрашивай.

– Что спрашивать? – наигранно удивился.

– Да вот сама не знаю. Ты вроде бы все у меня еще за столом выпытал, – улыбнулась, а он запрокинул голову и засмеялся. Явно признавая, что грешен, но ничуть того не стесняясь.

– А ты, Арина Германовна, не такая простая, как кажешься, да?

– Не знаю. Я вообще не хочу казаться. Я хочу быть. Ну? Так ты расскажешь, чем я обязана такому тщательному допросу?

– Да вот... Брату ты моему нравишься.

– Правда? И что? Ты прикидываешь, достойна ли я такого счастья?

– Да теперь уж и не знаю. Мне, может, самому такая корова нужна, – сказал и стоит, лыы-ыбится во все тридцать два. Только знаете что? Улыбка-то и близко не касается глаз.

– Так это ты ко мне таким макарон подкатываешь?

– Говорю ж – еще не решил.

– А, ну, как решишь – свисти. А пока, если не трудно, дай-ка мне номерок Михаила Ильича.

– Но-но! На твоём месте я бы подождал активных действий со стороны мужчины. Михаил Ильич тот ещё динозавр. Это я тебе со знанием дела говорю.

– Предпочитает традиционный сценарий? Да, ты не бойся, Ринат. Я ему на шею вешаться не собираюсь. Мне он сугубо по делу нужен. Девочка у него в отделении... сложная. Интересно, как она.

Ринат резко остановился. Снова бросил на меня странный взгляд, после чего протянул руку и велел:

– Давай!

– Чего?

– Телефон, говорю, давай. Запишу тебе Мишкин номер. И свой. Звони, если что-то понадобится. Ну, или просто поболтать. Права Надежда Семеновна – друзьями надо обзаводиться.

Я сунула руку в карман дешёвенькой курточки. Достала старенький айфон и послушно отдала Ринату. Почему-то не посмела возразить. Почему-то была уверена, что он не так уж часто предлагает свою дружбу. И в том, что брату он ни за что не станет переходить дорогу – тоже была убеждена. Хотя он, может, и не шутил насчёт своего интереса.

– Красиво, – сказал Ринат, разглядывая мое фото на заставке экрана. – Муж фотографировал?

– Угу. Я тоже люблю эту фотографию. Я здесь...

– Настоящая?

Наши взгляды поверх телефона встретились. Я кивнула. И снова уставилась на фото. Каким-то непостижимым образом Саше удалось уловить все краски заката сразу. На фоне него – величественные фигуры жирафов и я – глядящая вдаль.

– Не замерзла? Ещё пройдемся? – спросил Ринат, когда закончил копаться в моей телефонной книге.

– Если ты не спешишь.

– Я не спешу. Но ты по себе смотри. В смысле – по состоянию. Это ж не я умирал ещё каких-то пару дней назад.

– Да ничего. Мне уже лучше. Правда.

И мы прогулялись по парку, а когда вернулись, Орловы засобирались домой. Я ещё нашла в себе силы дожидаться их ухода и даже заметила, как заговорщицки переглядываются тётка Надя и Лидия Сергеевна. А потом силы закончились. Я еле добрела до кровати. И уснула под тихие разговоры дяди Кости и тётки Нади, которые наводили порядки в кухне.

Глава 6

Михаил

Если бы я сам не видел, в каком Ариша была состоянии, то наверняка бы решил, что она спецом ушла на больничный, чтобы переждать, пока на работе улягутся страсти. Но ведь нет. Ей на самом деле было фигово. Так, что я даже поддержал мать, когда та предложила обеспокоенным Аришиным родственникам не срывать ее с облюбованного дивана, а дожждаться, когда болезнь отступит. На отъезде настояла Ариша.

Было это где-то с неделю назад, а значит, прошло более чем достаточно времени, чтобы забыть об этом эпизоде раз и навсегда. Тем более во всей этой круговерти – я обвел ничего не выражающим взглядом собравшихся в кабинете начмеда коллег – но ведь почему-то не забывалось. И я все чаще ловил себя на том, что смотрю в пустоту, а вижу... Ну, вы поняли. Красивая она. Чудо африканское. Удивительно сочная в нужных местах при общей своей худобе. И кожа нежная-нежная. Красивого медового оттенка. А я, между прочим, не монах, даже несмотря на то, что в последнее время мой образ жизни и смахивал на монашеский. Может, потому и торкнуло? Так...

– Ну, что? Думаю, на этом все. Вопросы есть? Нет? Тогда не забудьте – сразу после праздников к нам нагрянут из министерства, – бодрым голосом напомнила Зоя Филипповна.

– Такое забудешь, – буркнул под нос заведующий приемным отделением, первым вскакивая из-за стола.

Недовольство Кирилыча было понятным. От визита чиновника нормальный врач ничего не ждет. За исключением разве что какой-нибудь бессмысленной и беспощадной работы. Но, да ладно. Новый год на носу. Думать о плохом не хотелось.

Я сунул ручку в карман. И подойдя к вешалке, взялся искать свою куртку среди кучи других, гроздьями навешанных на крючки. Телефон зазвонил, когда я уже почти добрался до цели. Номер был незнакомым. Мелькнула мысль не брать – от звонков с незнакомых номеров одни неприятности, но потом все же приложил трубку к уху.

– Орлов!

– Здравствуйте, Михаил Ильич. Это Арина. Я вас не слишком отвлекаю? Мне ваш номер дал Ринат... Звоню узнать, как та девочка поживает. Вот...

– Какой Ринат? – я машинально пожал протянутую руку коллеге из экстренной хирургии.

– Как это какой? Ваш брат.

– Ах, мой брат. Вот как, – сощурился. И так интересно вдруг стало, где это она с моим братом виделась. Да и вообще... какого лешего?

– Так я могу узнать, как она?

– Устинова? Конечно. Забегай при случае в отделение – своими глазами увидишь.

Зачем предложил? И сам не понял. Такое не практиковалось. Скорости просто делали свою работу и тут же благополучно о ней забывали. По крайней мере, пытались. А то ж никаких нервов не напасешься. Сволочная у них работа. С другой стороны, Ариша сама нарушила правила. Уже, кстати, во второй раз. А я, идиот, этому в значительной мере поспособствовал. Не то чтобы я сознательно поощрял её на новые геройства (а мое приглашение она могла расценить и так), просто не знал, как иначе удовлетворить свой интерес. Уж очень мне хотелось узнать, что у них там за дела с Ринатом.

– А можно? Я тут неподалеку.

– Как тут? Разве тебе не положен постельный режим?

– Боюсь, закончилась моя лафа. Я как раз закрываю больничный.

– А-а-а. Ну, все. Давай тогда. Жду.

Я вернулся к себе в отделение и даже успел проверить тяжелых, когда Ариша снова позвонила. Судя по тому, сколько времени ей понадобилось на дорогу, не так уж близко она и была. Небось, специально ехала... Вышел ей навстречу.

– Халат есть?

– Нет, – искренне огорчилась, – и сменки нет. Я как-то не планировала к вам ехать.

Ну, что тут скажешь? Чудо африканское! За время болезни, кажется, она еще больше похудела. Осунулась вся. И даже въевшийся в кожу африканский загар как будто выпцвел весь, побледнел... Нет, интересно, чем она все же думала, сидя на той остановке? Неужели ее мой выговор так расстроил? Орал я тогда – будь здоров. Но, если так разобраться, ругался я сугубо по делу. И это самое дело могло для нее очень плохо закончиться. Наверное, на остановке это обстоятельство как раз до нее и дошло. Почему-то ж ее именно там накрыло?

– Ладно. Стой тут.

Вернулся в кабинет, взял свой халат, старые тапки. Очень удобные, носил их до последнего. Пока не порвались. И вот, все никак не выкину – жалко. Хотя, говорят, от старья нужно избавляться. Может, и решусь в честь Нового года. Время еще есть.

Ариша терпеливо дожидалась меня у входа. Чуть в стороне топталась огромная китообразная тетка. Вся напмаженная и в мехах.

– Вы к кому? – поинтересовался я, бросая тапки на пол перед Аришей.

– Не знаю. А вы кого бы мне порекомендовали? – оживилась дама. Глаза Ариши широко распахнулись, а с губ слетел тихий смешок.

– Здесь вам отделение множественной и сочетательной травмы, а не кастинг-агентство! – рявкнул я. – И посторонним вход воспрещен, вообще-то.

Мимо пробежал дежурный врач, я окликнул его:

– Данил Викторович, разберись, что здесь за проходной двор, – резко дернул головой в сторону тетки. Данил деловито кивнул. С интересом покосился на Аришу, что мне совсем не понравилось.

– Родственники Устиновой на месте? – холодно поинтересовался я.

– Мать вроде была с утра, – настороженно кивнул Сергеев.

– Тогда я здесь подожду... – пролепетала Ариша.

– Чего подождешь?

– Когда все уйдут, – как будто растерялась она. Я оглянулся. Неужели мне удалось ее смутить? Ну, дела. В моем развевающемся от быстрой ходьбы халате фигура Ариши казалась еще более хрупкой, чем обычно. Я уж молчу про штиблеты, которые на ней, что те сапоги-скороходы были.

– Вот еще. Мне с тобой некогда возиться. Пойдем.

– Постойте...

Договорить не успела. Я толкнул дверь в палату. Четыре койки – все после ДТП. Самая тяжелая – та самая девочка. Девятнадцать лет. Кровать у окна. Подошел и замер. Ну, и что в таких ситуациях говорят? А бог его знает...

– Ой, а это вы тот фельдшер, что Настеньку спас, да?

Ну, вот. Даже говорить ничего не пришлось! Мать пациентки сама все вычислила. Знать бы еще, как. Кажется, кто-то говорил, будто она в городской администрации заправляет, может, по своим каналам пробила ситуацию? На сайте института размещены фото всех сотрудников. Я выругался про себя и в которой раз возблагодарил бога за то, что все сложилось удачно. Ведь если бы ситуация пошла под откос, а шансы на это были чертовски высокими, эта же самая дамочка, которая нынче, захлебываясь слезами и благодарностями, набросилась на Аришу с объятьями, с таким же азартом принялась бы эту самую Аришу уничтожать. И винить ее за это я не стал бы. Это заложено в человеческой природе – искать виновных.

– Ну, что вы! Не нужно... Я просто делала свою работу...

На бледных щеках Ариши разлился румянец. Ну, надо же, она действительно смущалась. Я как дурак залип, наблюдая за её слабыми, но такими отчаянными попытками освободиться.

Она мне понравилась. По-настоящему. Так, что я даже взялся гадать, как нынче принято звать женщин на свидание. Хотите – верьте, хотите – нет, а я успел забыть, когда в последний раз этим занимался. В серьезных отношениях я заинтересован не был. А несерьезное... оно само в руки шло. Но я был уверен, что с Аришей так не получится. Не из того она теста была. И оттого медлил. Сам не очень-то понимая, что готов ей предложить.

– Михаил Ильич! – в палату заглянул Данил, – там нас срочно на пятый вызывают.

– Бегу! – бросил я и уже на ходу обернулся к Арише: – Сама дорогу найдешь?

– А как же.

– Давай. Недолго тут.

И все. Работа закрутила. И стало уж не до личного. Только дома мысли об Арише вернулись. Хотел даже ей позвонить, но сразу не сообразил записать номер, а потом он затерялся среди других. Не трезвонить же всем без разбору, чтобы ее вычислить? Да и поздно уже, наверное. А ведь я так и не выяснил, что у них за дела с Ринатом. Не знаю, почему, но из двух братьев-погодок я почему-то всегда больше переживал за него. Артём был... поспокойней, что ли. А этот – ураган. Но такой весь в себе ураган, знаете? Мне было двадцать, когда умер отец. Ринату с Артемом – четырнадцать и тринадцать. И разница в шесть лет, которая сейчас вообще не ощущалась, тогда казалась бездонной пропастью. Пропастью, которую я каждый божий день штурмовал, доказывая, что не зря встал во главе нашего дома. Может, тогда я и переел этой всей семейной жизни? Может, поэтому сейчас с таким азартом упивался своим одиночеством? Одному ведь так хорошо! Голова ни о чем не болит совершенно. То ли дело, когда ты в двадцать лет – единственная опора в семье! Когда только от тебя зависит будущее братьев, да и гораздо более банальные вещи зависят, например, что вы все будете есть?

Вообще не знаю, как тогда справился. Где нашел нужные слова, аргументы и силы, чтобы их всех поднять.

В дверь постучали, когда я уже прикорнул одним глазом. Ну, кого же там принесла нелегкая?

– Привет! Ты, никак, уже спишь?

– Поспишь тут с вами. Что-то случилось? – буркнул я, пропуская Рината в квартиру.

– Ну, простите. Раньше вырваться не мог. Работа.

– Жрать хочешь? – почесал живот и зевнул.

– Как волк.

– Ну, пойдем. Там мама плов сварила. Правда, уже остыл.

Я наложил Ринату поесть и сунул тарелку в микроволновку. Ничего не спрашивал. Ждал, когда он сам расскажет, зачем пришел. А то, что повод был – я не сомневался.

– Угадай, где я вчера был?

– И где же?

– В гостях у Арины.

– И что ты у неё забыл? – я отвернулся, чтобы достать тарелку. Сделал вид, что мне до этой информации дела нет. Не знаю, удалось ли. От Рината мало что ускользало.

– Мама попросила подбросить. Они там все задружились, ты знал? Ну, я подумал, почему бы и нет?

– И как погостил?

– А хорошо. Тётя Надя – неисчерпаемый поток информации. С Аришей сложнее. Пришлось устроить ей небольшой допрос с пристрастием, – младший улыбнулся.

– Зачем оно тебе надо?

– Ну, привет! Думаешь, я не заметил твоего интереса? Так ты это брось. Он был таким очевидным, что мама смутилась почти до слез, – хмыкнул Ринат и, опустив взгляд на это самое очевидное, с намеком поиграл бровями.

– И ты поэтому решил, что...

– Что неплохо бы проверить девочку.

– Постой-постой. Ты что же, тоже взялся устраивать мою жизнь? Мало мне матери?

– Думаю, ты и без меня справишься. А если нет...

– То что?

– То я сам подумаю в эту сторону.

– Хочешь подкатить к Арише?

– Надеюсь, тебе хватит ума подкатить к ней самому. Как ни крути, тебе она больше подходит.

– А ты уже, как я погляжу, все просчитал, – хмыкнул я, не совсем понимая, как реагировать на вмешательство брата. Раньше он себе такого не позволял. Мне вообще казалось, ему и дела нет до моей личной жизни. Если только позубоскалить над ее отсутствием. Или отчаянными попытками матери в очередной раз мне кого-то впихнуть. Но сейчас... он как будто и впрямь был не на шутку заинтересован.

– Так, кое-что.

– Я подумаю над твоим предложением. Или угрозой. Даже не знаю, как воспринимать этот разговор.

– Как пинок под зад?

– Да иди ты! Не дорос еще.

Ринат поел. А после заявил, что останется ночевать у меня.

– Так хочется кушать, что даже переночевать негде, – пробормотал я, доставая с самой верхней полки припрятанные на такой случай подушку и одеяло. Ворчание было наигранным. Как бы мне ни нравилось мое одиночество, в глубине души я, как истинная насадка, кайфовал, когда младшие были что называется при мне. Опять же, за Артема я переживал в меньшей степени. Тот был прочно женат и вроде бы счастлив. А вот Ринат... Насколько бы мне стало спокойней, если бы он тоже остепенился. Если бы хоть на секунду улегся бушующий в его глазах шторм. И тут я какого-то черта представил его с Аришей и... Швырнул в этого придурка подушкой. Ясно ведь, для чего он завел этот разговор. Хотел меня на эмоции вывести. И у него это чуть было не получилось. Провокатор недоделанный. Привык на работе хитроумные интриги плести, и тут давай...

Жаль, подушку поймал. С рефлексамы у него тоже все было в порядке.

– Эй! А в глаз?

– В другой раз. Прямо стихи вышли, надо же. Спи уже! Мне завтра рано вставать.

Глава 7

Ариша

– Аришенька, ты там скоро? Время уже! Костик говорит, что город весь в пробках. Опоздаете еще.

Я выглянула из ванной.

– Тётъ Надь, да я и сама доеду. На метро. Ну?

– Никакого метро! – покачала головой тётя Надя и загадочно так на меня уставилась. – Пойдем. У меня для тебя сюрприз есть!

Пожав плечами, я двинулась за массивной фигурой тётки. Прямоком в их с дядей Костей спальню. А когда я была маленькой, это была комната моих родителей...

– У нас тут для тебя подарок. Ну-ка, посмотри!

Она выудила из шкафа платье с рукавами, красивого винного оттенка.

– Ну, зачем вы? Оно же кучу денег, наверное, стоит. К тому же я вам ничего не готовила в ответ...

– Да кто ж от подарка ответа ждет?! Примерь-ка! Колготки новые есть?

– Где-то были.

– Тогда надевай скорей. Дай-ка я на тебя посмотрю!

Я послушно скользнула руками в рукава и поерзала, распрямляя ткань по фигуре. Мягкий трикотаж скрыл все недостатки. Добавил объемов там, где недоставало, и подчеркнул хрупкую талию. Я ненадолго залипла на своем отражении в зеркале, уже и забыв, когда в последний раз выглядела настолько женственной и красивой. В Африке я все больше для удобства одевалась. Футболка и обрезанные до колена джинсы.

– Ну, прелесть же! Костик, Костик, иди, посмотри, какая наша Ариша красавица. И с размером я угадала...

Дядя Костя заглянул в спальню, поднял два больших пальца над головой и тут же принялся меня поторапливать все из-за тех же пробок, которые он отслеживал в специальном приложении телефона. До чего прогресс дошел. Надо же!

– Сейчас, только переоденусь. Я быстро.

– Вот еще. Зачем же переодеваться? Поезжай так! Новый год ведь. Ну, не в джинсах же твоих его встречать.

– Так ведь я все равно переоденусь в робу, – пробормотала я.

– А вдруг с коллегами куда решите заскочить после работы? Или на станции какой-нибудь праздник устроите? Нет-нет! И слышать ничего не хочу. Поедешь в платье.

Расстраивать тётю Надю не хотелось. И я послушно поплелась к себе, отыскала единственную пару колготок, надела и вышла в коридор, где меня уже поджидал полностью собранный дядя Костя.

– Эх, жаль, ты работаешь, Ариша. Не то бы мы закатили пир на весь мир! Наденька такой холодец сварила – закачаешься.

– Ну, думаю, холодца-то вы мне точно на завтра оставите, – лукаво улыбнулась я.

– И то так, – усмехнулся в ответ дядя Костя, захлопывая за мной дверь вылизанного до блеска Ниссана.

Было еще темно. И повсюду – куда ни глянь, горели фонари, с витрин весело подмигивали новогодние гирлянды, и в этом ярком свете искрился только-только выпавший девственно-белый снег. Я так сильно от этого всего отвыкла, не передать. Шесть лет не видела зимы! Да и цивилизации тоже не видела. А за это время столько всего изменилось, что я чувствовала себя настоящей дикаркой. Приходилось заново привыкать к самым обычным вещам.

К горячей воде, текущей из крана, к чистоте, к сумасшедшему шуму города... И к снующим толпам народу, конечно же, и к промозглому холоду, и беззвездному цвету ружейного металла небу. Третий месяц, как я вернулась, а только сейчас, провожая взглядом небоскребы бизнес-центра, почему-то об этом подумала... И о том, как я отстала от нормальной передовой медицины, подумала тоже. Может, и не зря меня на эти курсы отправили? Впрочем, Саша всегда говорил, что тот, кто справляется со своей работой в поле, в современной оснащенной по всем правилам операционной справится уж точно. Но... чертовы сомнения. Не вовремя как.

Я тряхнула головой, отгоняя грустные мысли. Из динамика лилась веселая новогодняя песенка, и я принялась ей подпевать, поглядывая на дядю Костю. А тот давай и себе, пристукивая пальцами по рулю в такт. Так и пели мы, пробираясь к месту моей работы через пробки. Успели, считай, в последний момент. А на станции людей – куча. Старая смена еще не разошлась, новая уже подтянулась. Отовсюду слышатся поздравления и смех. Пусть у народа и не было сомнений в том, что смена будет тяжелой – праздничное настроение все равно брало верх. Я тоже улыбнулась, невольно проникнувшись этой захватывающей атмосферой. Закрыла глаза и сделала глубокий вдох. В кои веки в помещении пахло не хлоркой и медикаментами, а мандаринами, шампанским и, как ни странно, маринованными огурцами. Похоже, кое-кто из сдавших смену все же решил начать отмечать, презрев строгие запреты начальства.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.